

Стихи Самуила Галкина*

* Статья опубликована впервые в журнале " Литературный критик " No 11 1938 г.

Источник: А. Гурштейн. Избранные статьи. М.: Советский писатель, 1959. С. 153 - 160.

Сканирование: А. А. Гурштейн.

Распознавание: В. Есаулов, апрель 2009 г.

В фигурных скобках {} указаны номера страниц.

Поэт Самуил Галкин знаком пока широким кругам советских читателей лишь по небольшому сборнику переведенных на русский язык стихотворений, вышедшему в 1936 году в издании Гослитиздата под названием "Контакт". Среди 14 переводчиков, работавших над переводами стихов Галкина, есть люди безусловно талантливые, много сделавшие для популяризации еврейской советской поэзии (Д. Бродский; Л. Руст, С. Липкин и др.). Но справедливость требует признать, что наши переводчики часто не считают с характерными- особенностями переводимого поэта и вносят в перевод столько языковой и образной отсебятины, что порой совершенно искажается характер оригинала.

Взять хотя бы Д. Бродского. Он любит приподнятую, торжественную речь, часто, к сожалению, и без нужды уснащаемую им славянскими архаизмами и вычурными словечками, которые, по искреннему убеждению переводчика, "вливают в речь металл".

Галкину не чужд пафос, но он совершенно неповинен в той бумажно-ходульной напыщенности, которую порою придает его стихам переводчик. Это тем более досадно, что Д. Бродский по существу переводчик способный (особенно ему удаются переводы из Переца Маркиша). {180} Но его переводы нуждаются в хорошо очинённом редакторском карандаше, который смог бы обуздать слишком рьяные полеты переводческого воображения.

Переводчица Л. Руст. Она часто верно чувствует и передает стих Галкина. Но в ее словаре встречаются изысканные и слишком "красивые" словечки и обороты, вроде "наливной истомы", "девьих лиц", "вечерошних пятен". Галкин с предельной строгостью рассказывает о том, что на улицах и полях, по которым он проходит, все изменилось, а переводчица вводит целую "изысканно-красивую" строку, на которую и отдаленнейшего намека нет у Галкина:

Все льется и вьется, курчавясь...

Такие произвольные "операции", конечно, вносят чуждые, инородные элементы в поэзию Галкина, мастера скупого и строгого. Все это говорится к тому, что советский читатель, в чьем распоряжении имеется пока лишь одна книжка переводных стихотворений: Галкина, имеет об этом прекрасном еврейском советском поэте, одном из лучших советских лириков, слабое представление.

Самуил Галкин, принадлежит к так называемому второму поколению еврейских советских поэтов (первый сборничек его стихов вышел в 1922 году). Он пришел в еврейскую советскую поэзию тогда, когда для ее развития уже было заложено прочное и богатое основание мастерами первого поколения -- Шварцманом, Гофштейном, Квитко, Маркишем. Стих Галкина и формировался под явственным воздействием тогда еще совсем молодой, но уже окрепшей еврейской советской поэзии. Однако уже с ранних поэтических шагов Галкина стало обнаруживаться его своеобразие. Свообразие это сначала по преимуществу сказывалось в том, что от его стихов тянулись крепкие нити к старой еврейской культуре, к метафорической образности древнееврейской литературы, среди памятников которой первое место занимает Библия.

Галкин пришел в литературу в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции. Но {181} путь Галкина как поэта к революции и к коммунизму был своеобразен и труден.

Одна из ранних книг Галкина носила название "Скорбь и мужество". Формулу эту поэт заимствовал у Давида Гофштейна, который писал: "Скорби от мужества я не могу отделить сейчас". В ранних произведениях Галкина мотивы радости по поводу обновляемой жизни переплетались с мотивами печали. Истоки этой печали коренились в том неправильном противопоставлении